

Владимир Ильичев
(Сквер)

У щё... чку

Стихи на полосках Зебры

Владимир Ильичев (Сквер)

У щё... чку

«Издательские решения»

Ильичев (Сквер) В.

V щё... чку / В. Ильичев (Сквер) — «Издательские решения»,

«Стихи на полосках Зебры», 2013 год. Книга смешанных оттенков лирики, состоящая из трёх частей: «Тесто. сторон», «Ничь: я», «V щё... чку». За кратким и загадочным пояснением («Е.й») следуют откровения на полосках жизни и любви, а заканчивается сборник не менее таинственным послесловием... Для интересующихся современной поэзией.

Содержание

От автора	6
Тесто. сторон	7
Сами с крылами (К Счастью)	7
«Территория тронутых ритмом людей...»	8
Неизменное, Неизменное	9
Муравьи-и-и...	10
Сид Иромыч	11
Самый счастливый день	12
КЧ 1/3	13
Заповедь, истина, тление	14
Крушевели	15
Неидентичные повторы	17
Ейпоха	18
Матвей	19
Плед	21
Музориночка	22
Не лепра	23
ЗАОблачный горящий	24
На калоше	25
Футболъ	26
Сумкин джаз	27
Е. ст.	28
Сахароль и сольхар	29
???	30
4П	31
Oblako Morali (цыг.-фр.)	32
Манипёст	33
По бесплодию повода науки	35
Интернета да	36
Несправедливость	37
Сообщение со ссылкой (френд)	38
И вот тогда...	39
Селянин прав	40
Поэтам	41
Агитёр	42
Одеяло на себя	43
Оля Бешт	44
Статистика, чо!	45
Я преступник	46
Ностальджем-сейшн	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

V щё... чку
Стихи на полосках Зебры
Владимир Ильичев (Сквер)

© Владимир Ильичев (Сквер), 2016

© Sias van Schalkwyk (freeimages.com), иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Е.й

Тесто. сторон

Сами с крылами (К счастью)

Не поняв ничего – из Великого,
и забыв – приблизительно мудрое,
мы летим, под Киркора Филиппова,
ирреально высокими фурами,

по дорогам, разгвазданным нами же,
мимо сёл, в зеркалах пропадающих.
В лобовые – за камешком камешек.
Возим «счастье» – друг другу, куда ещё...

Мы весьма недовольны кавычками
и отставшей в развитии буковкой,
мы встречаемся чатами, личками,
чистым случаем – закоулками.

Но у Счастья заглавная – лунная,
бескавычно, реально высокая,
не в кривых, не в шипах, не шатунная,
и не где-то под стейками с соками.

С ней на связи заглавная – звёздная,
безоглядно, вселенски широкая,
не в грязи, не дорожно-обозная,
и не где-то под бифами с брокколи.

И рука, от руля грубо-тёмная,
на крыле... Теплородное, нежное.
Я-то думал – профура скоромная,
а потрогал – родная, нездешняя.

Две ноги на педаль в свете месяца.
Ты смела не по виду, попутчица.
Нас объедут, когда перебесятся.
Вылетай. Вылетаю. Получится.

«Территория тронутых ритмом людей...»

Территория тронутых ритмом людей,
развлекательный край дискотек и аварий,
где торговец дорогой – ещё не злодей,
где охота на тело – уже не сафари.

Перевернутый цех нестекающих туш,
разъедающий фон застоявшейся боли,
и мне страшно, что взялся, и бросить бы гуж,
так ведь – овен, гордец... ёлки-палки... бемольки...

Да. Ещё я люблю музыкальные сны
и находки из них в окружающем мире.
Вот нашёл себе «Я». И остался без «Мы».
В деревенских горах. В живописном сортире.

Неизменное, Неизменное

В каждой клеточке каждой берёзы —
все стихи непростые мои.
И простые. И дар. И курьёзы.
И не созданный Ноем НИИ —

нет, не созданный Ноем... Не ноем.
Просто реже берём топоры.
Не стремимся к безмолвным покоем
в беспокойстве весенней поры.

«Будь что будет!» – наследие сказки.
Фраза-фокус. Строка-волшебство.
Без руля, без дороги. Без КАСКи.
Неизменно любясь листвою.

Муравьи-и-и...

Золотые муравьи
запрягают чёрных,
крупно едят «Се ля ви»
в книгах и в уборных.

Золотые муравьи
чёрных обижают —
и похлёбки, и любви
ни за что лишают.

Золотые муравьи
никого не любят
и моралью на крови
муравейник губят.

Золотая молодёжь
в стороне от черни.
Не работает. Балдёж.
Коньячок-печенье.

Покоряются рабы,
веруют во благо,
к пущей вере, от судьбы —
золотая брага...

А в лесу, с начала лет,
бродит муравьедка,
и по цвету свой обед
выбирает редко.

Золотые муравьи
погоняют чёрных
с неказистой плитки и
из-за фикс учёных.

Сид Иромыч

«Запись невозможна,
замените диск» —
бычит осторожно,
не идёт на риск,
не желает множить
Сид Иромыч стих —
боязно тревожить
тех, кто пьян и тих.
Нелегальных красок —
много, для стиха,
мало – хмеля сказок
с вытяжкой греха.
Имя – от легенды,
сам же – сер и пуст.
Плоский, вредный хрен ты.
А и ладно. Пусть.
Наблюдай, редиска —
я пишу на лбу:
«Нет другого диска,
закатай губу»

Самый счастливый день

В этот день я впервые проснусь со своей головой —
без похмелья и заданных кем-то глобальных настроек.
Из кадлушки умоюсь прохладной водой дождевой.
Промолчит говорящий сундук о земной катастрофе.

Мне не надобен станет и сам этот чёрный сундук,
кибернетикой счастья займётся ответственный нагель.
И я вспомню – в какой я стране, и в каком я году —
но забуду сухие пайки и намокшие флаги.

И соседка – вчера ещё девушка лёгких манер —
улыбнётся сквозь рабицу чести бесценной улыбкой,
у неё будет новенький дом, в доме муж – землемер,
в доме трое детей, детский шкаф с барахлом и присыпкой.

А сосед по другой стороне – записной наркоман —
загремит в мастерской молотком, весь в делах и опилках,
у него тоже будет семья, а не только «маман» —
как он звал её, чувствуя холод в ненайденных жилках.

А соседа напротив, что был паучком, из чинуш,
навестят паладины стыда и раскаянья феи,
тот захочет вложиться в сто сорок обиженных душ,
но не в дымку болотистых мест, где кальяны – как реи.

Безнадёжная Марья с окраины – встанет, сама,
исцелённая запахом трав через окна и щели,
ну а стены заделает – много ли надо ума —
стройотряд вдохновенных ребят – Степанка и Емели.

Я пойду по дороге, любуясь родимым селом,
и здороваясь за руку с каждым, без лести, без понта.
Возле речки лежать будет лодка – над мощным веслом,
под набором кистей-облаков и холстом горизонта.

И ко мне побежит, пробудясь, ребятня – из моих,
ох, задаст им позднее жена за несъеденный завтрак,
и продолжится сила волны в назидательный штрих...
Этот день я услышал вчера, но увижу не завтра.

Всё изменится в корне. И корень – стволом прорастёт,
пораскинется в небо свободной вседышащей кроной.
Этот день еле слышен вдали, но идёт. Он придёт.
Я на хвост наступил – к переменам – змеюке зелёной

КЧ 1/3

Стоят на арене, в аренде, раздетые клоуны,
не прочь провалиться, да цепью поставок прикованы,
хозяина цирка хвалить голым фактом обязаны,
иначе не будут накормлены, будут наказаны.

Они не способны на старые добрые фокусы,
они плохо ходят – их свозят работать автобусы,
они плохо видят, в глазах – по соринке из ящика,
в котором лежит реквизит и отчёты смотрящего.

Их держит стабильность пути от барака до здания,
где купол роняет еду для заряда стояния,
другие дороги и домики города рушатся —
но это несладкая каша, сложнее накушаться.

Две трети из зала – родня неникулинских клоунов,
бьёт в уши молчание рук, вертикально заломанных.
Цена за билет – право голоса, гордого голоса,
подарок – поп-корн из лапши с добавлением ботокса.

И данный презент – не хрустит, так хотелось хозяину,
брюхатить ноли децибелов – идейно нельзя ему,
поэтому он из лапши, с небольшим добавлением:
и мягко и влажно, и сытно, и всем – не до времени.

Но треть... поднялась, мечет харч, и направилась к выходу,
пальто и шарфы в гардеробе им точно не выдадут,
предложат поп-корн заменить на свинцовые бублики.
Им главное – выйти за рамки беззвучия публики.

Несчастные так и стоят, и молчат елезрители —
завцирком дал знать, что ушедшие – все подозрительны.
И едет, спешит Ревизорро – расчёт за сезон вести:
забрать беззабавных, продлить срок аренды от совести.

Дороги и домики вольного города рушатся,
бедняцкой кашицы придется нам с пользой накушаться,
нет времени больше на цирк и расслабленность ботоксом.

С Весной! С Новым Гамом! Точнее —

С Незаткнутым Кодексом

Заповедь, истина, тление

Слово простое «заповедь» —
слышали, помним, знаем ведь.
Знаем и помним, слышали —
что же мы едем крышами?

Слово простое «истина» —
тоже звучит осмысленно,
тоже знакомо с детства нам —
что же мы лижем деспотам?

Слово простое – «тление».
Тлеем под гнусное пение.
Заповедь тлеет и истина.
Так и уходим прижизненно.

Крушевели

Есть на деревне нашей люди —
не всё так плохо, как в Бермуде.
И приглядеться – современны.
Ну, вот, начать хоть с деда Гены.

Есть на деревне деда Гена —
хранитель полипропилена
для городских шайтан-торговцев.
Сарай большой. Там были овцы.

Есть на деревне баба Рита —
у ней такой же склад «Бонд-стрита».
Спасибо-о-о – кольца бабе Рите.
Берите, милые, курите!

Есть на деревне Ян, салага —
ничей пацан. Помойка, яга.
Живёт в кладбищенской халупе
с картонной дверью «Чина Супер».

Есть на деревне парень Лёша.
Он зарабатывает лёжа —
фрилансер Лёха, копирайтер,
всё копит ноутом на «Вальтер».

Есть на деревне парень Вася.
Он зарабатывает – квася,
как зазывала-дегустатор,
всё сорит печенью для стада.

Для проезжающего стада,
когда к траве и пошла надо.

Есть на деревне девка Света.
Она всегда полураздета,
а ведь была за олигархом.
С пинка вернулась. Тридцать с гаком.

Есть на деревне девка Рая.
Она – одна из «Пусси Райот».
Но это... тихо, это тайна.
Сменю базар на три комбайна.

Есть на деревне три комбайна.
Они работали нормально.

Но как-то к ферме прижавели
в конце деревни Крушевели.

Есть в Крушевелях наших люди!
И шаг назад по стёклам труден —
пьяна деревня, босонога.
Назад! Толкнём ее немного...

Неидентичные повторы

Фабричных судеб в нашей жизни не найти.
Судьба, она – произведение такое:
вполне обычный – только Божий – креатив,
но иногда под настроение плохое...

А иногда, что называется, «попрёт»,
тогда судьба – не откликается на клички,
тогда сама она командует: «Вперёд!»,
изобретая, по нужде, кривые спички.

А иногда, под настроение – прямит,
и не в карман их сыпет – в ровный коробочек.
Но чаще – ленится и, выпимши, дымит,
то – как мажор, то – как усталый дальнобойщик.

Нередко ленится, напьется – и дымит,
то – как движок, то – как евоный разработчег.

Но не ищи размерных судеб – не найти...

Ейпоха

Не хотят порядка люди —
только в книгах и в кино,
а на деле, на фаст-фуде —
курят трупку, пьют вивно,

изгаляются, как могут,
с похмела шнуруя дзен,
отрывают буквы Богу,
отрываясь в КВН...

Я – ничем не отличаюсь,
в ухе песня «Пил-курил».
Изгалялся... Ильичаюсь...
Халтаксанию открыл...

Загордился – меньше дыма
стал на звёзды напускать,
потекло вивнице мимо,
руки сами строят гать...

Но в крови – цветастый фьюжн,
до порядка далеко.
А эпохе космос нужен —
от Бориса до Сивко.

А эпохе... Да, ейпохе...

Матвей

У Матвея – халитоз,
и почти наружу задница.
У Матвея – передоз
был, не далее, как в пятницу.

Хоть и минуло с тех пор
тихих пятниц – многосотенно —
все равно, ему позор.
Социальная блевотина.

У Матвея дома нет,
нет и худенького коника.
Даже тоненьких монет
у него – на банку тоника.

Или – пару фуфырей
из аптеки на Субботина.
Их и выбрал бы Матвей.
Социальная блевотина.

Но вчера я наблюдал:
он с дворнягою кусочничал,
и дворняге – больше дал,
со словами: мне не хочется.

А спустя какой-то час
видел я администратора,
у которой вместо глаз
два красивых пеленгатора.

У которой конь и дом,
в доме окна на гарантии,
в сердце гайка под винтом,
в карте – Рашка, до Голландии.

Я тот дом труба не брал.
Я купил документацию,
и Матвею все отдал.
И блевал. В администрацию.

Некто скажет: не свисти,
ничего ты не отписывал,
не хотел бича спасти,
и лисе оставил лисово.

Объяснить я не смогу,
не кончается на лектора.
Я нутро поднапрягу
и ответом выдам нектово...

У Матвея старый дом,
в доме окна еле держатся,
сердце ходит ходуном
после скорого до Керженца.

Плед

Обожаю этот плед,
этот плед подарен мамой.
Был я всюду им согрет —
в неизвестности туманной

и в решимости моей —
деревенской, злой, холодной,
наподобие саней
на дороге непогодной.

Из нахмуренной Москвы
унесла меня лошадка
в край небесной синевы,
где дышать так сладко-сладко...

Согревал меня мой плед,
и подруг моих... Немногих.
Вот уже немало лет
сторонюсь я скороногих.

Иногда от новостей,
от каналов, к нам прорытых —
промерзаю до костей,
до пустой строки на выдох.

От избыточной зимы
мой народ и Божьим летом —
жжет желудки и умы.
Мне везет – спасаюсь пледом.

Из ворсинок соткан сон:
в темно-синем небе звезды.
Сплю и чувствую: спасен,
отогреты, млеют кости...

Обожаю этот плед,
этот плед – подарок мамы
с пожеланием побед.
Мам! А я – не самый-самый,

но умелый малый – да.
Ох, икнулось даже. Люди...
Ничего, мам, ерунда!
Сердца сын твой не застудит.

Музориночка

Загоните под плинтус
мусориночку веником,
и в открытые Виндоус
пошепчитесь о том,
что невымытые окна —
это дело хозяйское,
свежий воздух – не догма,
если свой – управдом.

Но в подплинтусном царстве
мусориночки встретятся,
объяснятся, обнимутся
и потомство дадут...
Вы пока не волнуйтесь о
(п) у (т) ях Сани Спектора —
я ему не накапаю,
как и что здесь метут.

Не лепра

Я наблюдаю за их расстановкой:
левые мысли, правые мысли...
Вот и душа со спортивной сноровкой.
Спишь на Ленкфильме и ждешь Кейт Уинслет.

Это предательски верное войско:
правые мысли, левые мысли.
Ну, и душа, фитильками из воска,
круглые даты – квадратные числа.

В искренне пахнущей краской газете —
правые мысли, правые мысли.
Лайте, собаки, зеваки, глазейте:
враг в зоопарке, с макакой и гризли!

Как же всех нас накренили направо
левые мысли, левые мысли.
Штотеп Ерьбудеть – потомок Би Сбраво.

Пой, Элвис Пресли.

Дыши, Джозеф Пристли!

Заоблачный горящий

Ловите, укротители природы —
барьги, расхитители, уроды,
мой пламенный горячий непривет,
для крови ледяной – другого нет.

Мне снилось, что, объятый серым дымом,
пойду я, сам не свой, в краю пустынном,
в тени каких-то грязных облаков.
Ловите мой заоблачный fuck off!

Проснулся я и вышел на дорогу,
босой, простой, подобно бандерлогу,
а может – небольшому хомячку.
С большим акцептом вашему очку.

Очку в игре с планеткой неазартной.
Очку в игре – без жизни ей назавтра.
Очку в игре с дыханием моим.
Так схавайте ответ на вашу дрим.

Не знаю, сколько лет нам дали майа,
и что за кровь такая – голубая,
но снайпер-апокалипсис грядет —
для тех, кто море слил, а все гребет.

Для тех, кто в небо плюнул, будто с выси,
для тех, кто разбивает камни-мысли —
очку огнеопасен их секрет.

Fuck off! И мой горящий непривет!

На калоше

Поумерь-ка юный пыл. Ты не юный.
Перестань быть егозой, зрелый муж.
Прекрати стихами портить гальюны!
Сдай-ка писарю наброски для душ.

Сам же видишь, море – соль, соль – не сахар.
Мало помнить через годы маяк.
Без признания ты – юнга, писака.
А со степенью – поэт и моряк.

Йияха! Чем же я, скажите, не юный?
Руки, ноги, сердце, две головы...
Мне до вашей рыболовной коммуны
нет и дела в соли-доле Невы.

То, что с вами на совхозной калоше —
так не помню, как попал. Перепил.
Вижу – писарь Иоанн, это гоже,
но с каких он добрых гор – книгофил?

Нынче где по расписанию пристань?
Или мне сойти сейчас прямо здесь?
Да, Нева и холодна, и пятниста,
но и с вами – задубеть-перещесть.

Я – не то чтобы гальюнный. Но пылкий.
И на суше прослыву егозой...

Тараканы просыпают опилки
на речную маслянистую соль.

Футболъ

Мля, в шестьсот миллиардов рублей
обойдется России футболь-
ный, на мерзлых болотах, турнир.
Поболеем за наших. Уррряяя!...

Сумасшествие – еее... сильвупле.
Впрочем, тропиков снежная роль
не стирает нам разум до дыр.
Здравы будем. За спорт. За царя!

Сумкин джаз

С шоколадным батоном,
с запасными трусами,
с туалетной бумагой
и с айпадом – в суме —

по годам монотонным,
городами и снами
едет леди (не Гага).
Что у ней на уме?

На уме – анаболик,
затемненные стекла,
рукописная книга
и пила для ногтей...

В косметической доле
карта банка подмокла,
но монгольское иго
было все же страшней.

Бомбоносно другое:
равносильно просмотру
исповедного мыла —
заглянуть к ней... туда...

Но мужчина спокоен,
он в правах, он из СОБРа.
Обстановка уныла.
Монотонны года.

Шоколадный батончик,
труснячки, бумазейка...

Е. ст.

Стандарты получают двойными
у тех, кто сроки годности менял
на яблочном пюре, и на гордыне —
и сам себя за это извинял.

Но что в детсаде ели их детишки?
Наверное, такое же пюре.
Солидный детский сад, и папы-шишки,
а денюшка одно дает амбре.

Стандарты получают двойными
у тех, кто проплатил чемпионат,
и что их кофля с этого поднимет?
А то, что раньше выплюнет фанат.

Стандарты получают двойными
у тех, чей – шкуру мишки взял – козел.
Их гладкими запомнят, молодыми,
когда спектакли кончатся для сёл.

Стандарты получают двойными
у зайцев с рассеченною... душой.
И, так как не смеются над больными,
причины обижаться нет большой.

А солнышко подсушит виды грязи.
А холод февраля рассудит март.
И молятся на два захода мрази,
не хочется в единственный стандарт.

Сахароль и сольхар

Ну, конечно же, ты – для искусства – хранитель традиций,
а меня там, в искусстве – не будет. И не было. Нет.
Не найти фетюка – минералами слова давиться,
если можно читать про парады счастливых планет.

Несомненно, смакует читатель твои пируэты,
а в пещеру мою даже с дулом в башку – не пойдёт,
у тебя есть друзья – как один, молодцы и поэты,
у меня – только враг-алкоголь, но и это пройдёт...

Кто бы спорил, что в строчках твоих —
людям сахар на годы,
это много вкуснее, чем старая битая соль,
люди любят гонять по стаканчикам сладкие воды
и закусывать чай шедевральной на цвет колбасой.

Я бы мог повторить еще раз: колбаса – харакири,
чай – почти бесполезен, а сахар – пустыня и яд.
Но меня слышит девочка – здесь, и мужик – в Армавире,
а тебя всюду видели, знают, читают и чтят.

Я бы мог набросать пол-эскиза Его оберега —
интернет возмутится и скажет, что соль – тоже вред.
И я пил бы с тобой за искусство, условный коллега.
Но меня за искусством – не будет. И не было. Нет.

???

Да какие, в жабу, «катрены»,
какая, в листву, грамматика —
если кровь побежала из вены,
чернее 306-го «Романтика»???

4П

Привязаны, приклеены, пришиты, приколочены
к дороге, освещаемой системой фонарей —
все правое и левое считаем сволю... ночью мы,
не смысла ничегошеньки ни в компасе, ни в ней.

Прибитые – не двигаясь, пришитые – задумавшись,
привязанные – дергаясь, живем себе, кто где.
Ой, да, забыл приклеенных – так те, понюхав-дунувши,
нет, нет, да и побредят о возвышенной звезде.

А фонари красивые, цветные, очень яркие,
в оправках прочных, кованных – им солнце не чета,
и утром нам не главное – лучи светила жаркие —
у нас своя дорога, и одна на всех мечта!

Дорога современная и, даром что расейская —
по данным репродуктора – ни дыр и ни колея,
на ней машина новая – машина полицейская,
и мы – прохо... пролёжие. И пахнет только клей.

Но наше государство освещает демократия —
по данным репродуктора – здесь властвует народ.
И грезит сволю... ночью небольшая сестробратья.
Там солнце ж нестабильное, там всё наоборот...

Oblako Morali (цыг.-фр.)

Скушала мороженое —
бросила стаканчик,
выпила красители —
и бросила пузырь.

Будешь, девка, брошенная —
пользуется мальчик.
Взглядом вопросительным
на меня не зырь...

Нес пакеты мусорные —
лень дойти до баков,
взял, да и поставил
на подъездную скамью.

Вся планета усрана,
и ты проснешься в каках,
нечего тарашиться
в сторону мою...

Бабоньки на грабельки,
построили заводик,
вывели в речушечку
немножечко сливных —

будут с неба капельки,
и будет половодье,
наплескает в кружечки
доходов основных.

Скушаешь мороженое —
брось стаканчик в урну,
если вышел с мусором —
до бака донеси,

взял себе хорошее —
не делай Богу дурно —
будешь долго юзером,
в Реале! Будь. Мерси!

Манипёст

Уважаемые суки
и – не меньше – кобели!
Нам терпеть доколе муки
от больных «царей Земли»???

Наше племя превратилось
в сброд презреннейших пород,
как, скажите мне на милость —
не рычать на наш народ?

Мы, охотники, которых
ссали мамонты в лесах!
Нас теперь пугает шорох
в непомеченных кустах!

Р-р-р-р... Живем дешёвым кормом —
мы, народ, собаки-псы!
Я молчу о тех, кто порван
пастью друга... Тьфу, «бойцы».

Вы зачем друг друга рвете?
Мало вам от них пинков?
Эти хомо-дяди-тети
ваших, суки, бьют щенков!

А вот чем они главнее?
Я вас спрашиваю, чем?
Тем, что, якобы, умнее?
Тем, что всем дают проблем?

Да, стреляющие палки
появились в их руках,
из-за них, двуногих жалких,
лапы в стеклах, гвоздышках...

Но они – слабее кошек!
Нет ни нюха, ни клыков!
Как же шайка гладкокожих
держит нас за дураков?

Господа собачьи морды!
Выше чуткие носы!
Человечьи свергнем орды!
Мы – народ, собаки-псы!

Нам пора объединиться,
на помойку, господа!
На помойке – шанс развиться,
благо, есть там и еда.

Отбираем лучших, главных,
контролируем отбор,
честно, искренне, на равных,
без элитных толстых морд!

Что касается Культурных —
поступаем по уму:
пусть для нас полазят в урнах,
там посмотрим, что к чему...

Если зомби и без нюха —
растерзать, как всех котов,
кстати да, кошарам-шлюхам
вспомнить мисочки понтов!

Пресмыкания – довольно,
нам двуногий враг – не граф!
На помойке – в восемь. Вольно.
Р-р-р-р... Я все сказал вам. Гав!

(идея – Николай Кузнецов)

По бесплодию повода науки

Профессор был в уме, хоть и оброс
к стотысячной странице падших тайн —
пока я не сказал, что есть вопрос,
причем – на самой главной: кто онлайн?

Интернета да

Интернета не-е-е-ет...
Не с кем погугарить.
Во дворе сидят
бабка да синяк.
Щас бы побренчать
громко на гитаре,
но гитары нет
вовсе у меня.

Интернета не-е-е-ет...
Выйду на площадку,
в двери поскребусь,
то есть, постучу.
Витька улетел,
ночью на Камчатку.
У Махровых – сексь —
в дыню получу.

Интернета не-е-е-ет...
В дыню получил я,
даже подлечил —
тряпку приложив,
щас бы мне на сайт,
где лабает Силя,
а потом найти,
что такое пжив...

и что Сталин – жив...

Интернета не-е-е-ет...
Не курю, не пью я.
Кухня. Унитаз.
Ванна. Койка. Плед.
Хоть бы ты пришла
помириться, Юля...
Опа. Не ходи...
Дали интернет.

Несправедливость

Несправедливо. Несправедливо!
Когда свисает за забор ветвями слива,
и у соседа – варенье слаще,
без нарушения кадастровых границ...

Но интересно и необычно,
и даже, некоторым образом, логично,
когда от лучших соседских яблонь
тебе в компот перепадет его анис...

Несправедливо. Несправедливо!
Когда жена невыносима и сварлива,
а у соседа – лежит под боком,
как говорится, прямо ангел во плоти...

Но интересно и необычно,
и даже, в некотором роде, эротично,
когда тот ангел – в твоей подмышке,
ну а жена – в командировочном пути...

Несправедливо. Несправедливо!
Когда ты пьешь с недозарплаты полу пиво,
и в дырке зуба застрял сухарик,
а некий Тимати вкушает коньячка...

Но интересно и необычно,
когда ты выпил коньяка и сам прилично,
и не пустеют твои карманы,
да и калымы послезавтра с утречка...

Несправедливость – такая тема:
мы измеряем путь от рая до эдема.
Но, может, проще – дружить с соседом,
любить жену и жить природною водой?

Ведь интересно и необычно,
когда сварливая вновь станет симпатична,
а друг попросит: найди бутылку,
и возвратит ее с водицею святой...

Сообщение со ссылкой (френд)

У меня кумиров – нет, и не будет,
у тебя кумиры – были, и есть —
и они вполне обычные люди,
можешь сам на их олимпы залезть:

видишь – ходят на ногах, пьют из чашек,
видишь – им нужны друзья и врачи,
видишь – ссорятся, щипаются даже,
видишь – спрятались мириться в ночи...

То, что чашки и друзья «поблатнее» —
это глюк и визуальный обман.
То, что хата у тебя холоднее —
так узнал бы, что такое «саман».

Нет, конечно, и в Москве, и в Бейруте
есть земляне, чем-то близкие мне —
отношением к Земле... А по сути —
повторю, они обычны вполне.

Извини, но без имен персоналий —
слишком много интересных мне лиц.
Скажем так – их нет на главном канале,
с той поры, как там глава – окулист.

У меня кумиров нет. Снял потребу.
у меня кумиры – были. Творил...
Но ходил, по ссылке, к доктору Небу
и почистил то, что сам засорил.

У тебя кумиров – сколько? За сто их —
там и блоггеры, и царь, и певец...
Но творить их «дальше – больше» не стоит,
их – и нас – уже придумал Творец.

И вот тогда...

Ах, как же хочется ему писать стихи,
и для народа с выражением – читать!
Но в телевизоре – поэты-толстяки,
не поместиться перед камерой, не встать...

Ах, как же хочется издать ей всё своё!
И псевдоним есть – Марианна Ахмацвет.
Но у издателя – заказ на мумиё —
на мумиёвенький, но прибыльный буклет.

Ах, как же хочется иметь своё лито,
и одобрение хоть в думе получать,
но ведь и дума говорит, что всё не то,
и ставит замкнутую круглую печать.

Ах, как обид... но не придаться ни к кому.
Вот толстячок – в эфире выступит, поест,
и объясняет Есефету моему —
так это ты не помещаешься, жиргрест!

И у издателя всегда один ответ:
ах, Марианна, не нервируй ты меня,
ты напиши такой куплетистый куплет,
чтоб омумел производитель мумия...

И остается нашим пышущим остыть,
и не завидовать поэтам, а худеть,
не псевдонимно обижаться, а любить,
и вот тогда – чесать, питать...

Тьфу ты.

...и вот тогда – писать, читать. А может – петь.

Селянин прав

Гуляю по лесам. Все в ажуре!
Их выкупила пришлая знать.
Но я – внук партизана, буржуи,
мои права придется признать.

Магазин на селе, тоже чей-то —
торгует тем, что лучше не есть.
Ай, хватит огорода, для щей-то —
мои труды придется учесть.

Красавицы села – все по моде,
их учат, что свобода – кабак.
А я переучу на природе —
повышибет и спирт и табак.

Пацанчики живут героином —
столичный зачастил продавец.
Но вот мой Литгерой с карабином.
Барыга переехал в Пипецк.

Как много их, таких, толстоджипых,
Ты в пробках и в ошибках, Москва.
А хочешь о моих знать ошибках —
сначала предъяви мне права.

Поэтам

Кроме радостных фраз, на которые всякий горазд —
в каждом биокомплекте с пером быть обязан Эраст.
Рифма «раз» ни при чем здесь.

Вы блюстители света на чистых дубовых столах,
но... проверьте контакты жучка на древесных стволах.
А потом развлечётесь.

Агитёр

Агитирую! За воздух и воду!
Агитирую! Против бромодатых академиков,
не знающих броду!
Агитирую! За регрессивную постановку вопроса!
Агитирую! Против модернизированного
хоботка нефтесоса!
Агитирую! За аскета из сельской местности!
Агитирую! Против пиджака из синтетической мерзости!
Агитирую! За целомудрие девственниц!
Агитирую! Против силиконченных бадей-неестественниц!
Агитирую! За высококачественный мёд!
Агитирую! Против фразы «меня не ипёт»!
Агитирую! И не опять, а снова!
Агитирую! Против всех видов спиртного!
Агитирую! За счастливых черепах!
Агитирую! Против быстрых уколов в пах!
Агитирую! За покупку кваса и книги с калыма!
Агитирую! Против любого упакованного дыма!
Агитирую! За настоящий в бане чистотел!
Агитирую! Против еды из кусков чых-то тел!
Агитирую! За понимание настоящего!
Агитирую! Против зомби из ящика!
Агитирую! За «сделал, подумав»!
Агитирую! Против отмороженной омандаченности в думах!
Агитирую! За достаток и достаточный штат уборщиц! Да!
Агитирую! Против компромиссного какбэ творчества!
Агитирую! Агитирую! Агитирую!
Отвалите.
Актёр. Репетирую.

Одеяло на себя

Одеяло, одеяло,
ты большое – для меня,
а для нас, любимых – мало...
Может, сбросить весы «Я»?

Или, может, просто сблизить
эти «Я» – и всё, и джаз?
Предложу наутро Лизе.
Но укрыться бы – сейчас...

Оля Бешт

Ляжет Оля без штанов
у загаженной у речки,
озаботит ротанов,
через жижу, худобой,

вынет мятые блины,
фаршированные гречкой,
зачерпнет воды-волны,
да и тяготы долой...

Скоро зимушка-зима,
без штанов, однако, плохо,
но зато порой сума
чем-то найденным полна,

то блины, а то вьюны,
то былинная картоха...
Будут, будут и штаны,
на картоне, изо льна.

Ночью выглянет звезда,
да – одна на небо это,
помигает, и тогда
Оля вынет чебурек,

зачерпнет еще воды
и мигнет звезде ответом —
не потерял поводырь
по... лесам полей и рек...

Статистика, чо!

Статистика, статистика —
от корня и до листика,
от лысинки до пяточек —
всё будет учтено...

Всё будет пересчитано.
И пусть уже трещит она —
от нолика к девяточке —
статистиков полно...

Статистика, статистика —
ты без нее почисти-ка
на всех товарах ценнички
под рыночный запрос...

А если ты на рублики
забил при этой публике —
тебя снесут на веничке
на кучу, на навоз

(на списанный – навоз).

Я преступник

Я преступник. Отправил во вторник
трем читателям книгу свою —
небольшой поэтический сборник
с теплой подписью: «Ваш И. В. Ю.»

Я преступник. Они заплатили
по тарифам почтовых услуг,
и по сотенке – мне подсобили,
на картошку, на свеклу и лук.

Я преступник. Ведь даже не вспомнил
про налоги – как можно? Нельзя!
и теперь свекла красит лицо мне,
и от лука слезятся глаза...

Я преступник. Размята картошка,
но стоит в горле комом налог.
Впрочем, надо потыкать немножко.
Очень голоден мой Ван дер Лог.

Я преступник. А кто не преступник?
Может, сборщик? А может быть, мент?
Даже ангел Аркадий Укупник
ел картошку и свой документ...

Ностальджем-сейшн

Люди делают дела,
по квартире ходят, бегают.
Я на сервере угла
новый день по новой регаю.

Просыпался час назад,
но подняться не отважился,
если руки-ноги спят —
встать не столь легко, как кажется.

А на кухне кто-то пьет,
эти, видно, только начали,
и динамик так орет,
что мозги себя заначили...

На диване спит пацан,
я не знаю – кто, откуда он.
Мне везет холодный «Тан»
Маша с передом и кузовом.

Богатырский свист и храп
из не самой дальней комнаты.
Разговор курящих баб,
по нему – я все же ...нутый.

Блин, не помню ничего,
но, похоже, было весело.
«Тан» – прекраснее всего,
Маш, уваженье за феникс-месиво.

Надо тоже покурить,
разорить одну из пепельниц,
и с балкона пожурить

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.